

В траве сидел кузнечик.

Песенка

Все персонажи, организации, события в этой книге вымышленные. В реальной жизни никогда не существовавшие и не происходившие. Связей, совпадений и подобий нет, а если кажутся и представляются, то это морок и галлюцинации. Отгоняйте.

Александра Людвиговича Непокоева кормил язык. Что, казалось бы, можно сказать обо всех и каждом. В любой голове, какую ни возьми, красный пестик во рту мнет и мешает пищу, делая процесс ее засасывания и заглатывания пищеводом более или менее безболезненным. Не в этом диво. Диво в том, что в ротовой полости Александра Людвиговича красный кусочек мяса был еще и тычинкой. Органом, придающим вкус и аромат не входящему потоку, а исходящему. Насыщающим слова и речи цветом и ароматом. Благоуханьем смысла или бессмыслицы. Впрочем, благоуханием чего именно и конкретно, не так важно, главное, что возвращалось это испущенное, невидимое и неосязаемое, достатком вполне материальным. Благодаря своему языку, постоянной подвижности пары каких-то шести-семи сантиметров легких, как мышка-норушка, мышц, и только-то, жил Александр Людвигович Непокоев гораздо лучше, чем многие иные люди, напрягающие каждодневно целые метры, десятки метров кровью напитанных и жилами опутанных волокон всего своего

тела. Да-да, носил А. Л. Непокоев отличные ботинки, галстуки и пиджаки, неторопливо, всегда в уютной обстановке ел пищу от шеф-поваров и путешествовал. Много и с комфортом ездил. По миру и стране.

Он был счастливым человеком, но при этом не забывал, никогда не забывал, что сделал его таким и делает один лишь труд. Упорный и ежедневный, систематический и самоценный, кипучий, деятельный, расчетливый и целесообразный, тот самый, что постоянно возобновляет дары жизни и судьбы: приглашения на лекции и фестивали с полным пансионом и проездом за счет организаторов, почетное амплуа ведущего и распорядителя интеллектуальных мероприятий — сезонов, салонов, конкурсов и презентаций с последующим и параллельным доступом к источникам их финансирования, а также завидное положение эксперта-консультанта по всем вопросам культурного времяпрепровождения и образовательного досуга — в общем, все то бесконечно рафинированное, изящное и креативное, что в результате приносит человеку хорошие ботинки, галстуки и пиджаки, а также пищу и напитки в стильной посуде хороших ресторанов.

Короче, труд, труд и только труд, который предполагает как интегральную и обязательную часть — разминку, тренировку и сосредоточение перед своей прекрасной, уже собственно производительной и праздничной, словно долгожданная дефекация, фазой. Вот почему всякий день жизни, едва проснувшись, еще лежа под одея-

лом, глаза не разомкнув, Александр Непокоев начинал с разогрева и разминки своей рабочей лопаточки, лизунчика и лопотунчика, всю ночь бездельничавшего, лениво размокавшего и сладко опухавшего в тесном убежище между двойной подковою зубов и низким сводом нёба. В юности делал это Саша Непокоев шумно и неэкономно, обильно уснащая действие рыгательными, полоскательными и харкающими звуками; с возрастом пришла мудрость, и ныне, у зрелого А. Л., процесс тек в полной тишине, без прежней расточительности и размаха, но с большим объемом и разнообразием пусть мелких, но быстрых, беличьих движений.

Отказ от грубой и физической стимуляции, столь свойственной средствам и методам, ассоциируемым с ЖКТ, этой банальной гидры с хватками и видом пресмыкающегося, произошел за счет полета — подключения и активизации воображения. Лежа под одеялом, в потемках, не шевелясь, не открывая глаз, Александр Людвигович мысленно представлял себе фелляцию. И это было совсем нетрудно и даже приятно, стоило лишь вспомнить, что стипендиально-грантовая деятельность ЛГБТ-сообщества в разы размахом, широтой и щедростью перекрывает все жалкие потуги, ручейки и крохи, что капают время от времени от натуралов. Сравниться могли лишь только еврейские культурно-просветительские программы, но и это при должной художественной подготовке, кругозоре и желании с фелляцией легко соединялось. Поскольку из ножен выхваченный, готовый к действию ре-

продуктивный орган здоровой, как необрезанной, так и особи мужского пола по виду — вполне себе товарищ в кипе, хоть и без пейсов. В общем, прекрасный образ, прекрасный получался, с какой ни глянуть стороны. Во всяком случае рабочий.

И вот под одеялом, в полутьме, не размыкая глаз, лишь рот открыв навстречу дню, призывно и гостеприимно, начинал Александр Людвигович движенья острым, пурпурным кончиком языка, потом бугристой спинкой, стараясь равным образом нагружать ее розовые, нежные половинки по обе стороны медиальной борозды, и далее, далее с постепенным подключением толстой и сизой, как морж, спинки, вперед и вверх, вбок и вниз, возвратно-поступательно и ударно-вращательно, гоня кровь, смягчая ткани, волною активировав сосочки и листовидные, и грибовидные, и луковичные, ответственные за все на свете ощущения и ориентацию в этом прекрасном мире съестного и носильного, а равно и духоподъемного. О боже мой. И миг, когда всеобщая гармония синхронности и согласованности уже дышала нежно в темечко теплом и легкою волною жара, уже шла от впадин паховых к ключичным, Александр Людвигович сделал ошибку. Он приоткрыл глаза. И вдруг увидел, что на него внимательно и не мигая смотрят.

Да, обзеревают. Уставились с соседней, с правой стороны фрегатным, парусным сатином столь романтично тут сглаженного, а там вздыбленного ложа. С подушки, полной нежности и пуха, Александра Л. Непокоева безжалост-

но сверлят зрачки... И нет в этих бездонных колодцах понимания, а только тьма — жажда, желание и жадность. Уверенность, что труд, который предполагает как интегральную и обязательную часть — разминку, тренировку и сосредоточение, не должен быть напрасным. Общественно полезным должен быть и созидательным. И затвердевший было, окрахмалившийся в штиле ночи сатин затрепетал, флагом взметнулся на правой стороне широкого лежбища, молнией сверкнул, и на ключицы Александра Людвиговича накатила жар не воображаемый, а натуральный, доменный, печной, горячих женских чресл. С присутим им и весом, и объемом.

— Ну, Ася... — попытался было стремительную амазонку урезонить Александр.

— Ешь, — лаконично приказали сверху и так решительно надвинулись, что на какое-то мгновение не только затопили рот и нос нежно трепещущей плотью, но даже входы в голову через ушные раковины несколько перекрыли теплою массой бедер.

Спасенья не было. Работа в этот день началась у Александра Людвиговича немного раньше того часа, в который ему назначил встречу очередной заказчик и клиент. А может быть, кто знает, со временем и щедрый спонсор. Конечно, если не дать ему уйти. Не упустить!

Два дня тому назад на идеально гладком яблочном экране, который представлялся не чуждому поэзии любимцу муз Александру Людвиговичу то скейтинг-рингом для дюймовочек, то омутом, где золотые рыбки вальсируют во тьме, высве-

тился незнакомый номер. Он не был похож на те особые, змееподобные, с обилием нулей или синхронно повторяющихся чисел, которыми от дел и мыслей отрывают занятого индивидуума спецпредложения «Билайна» или же Сбербанка. Номер был ничем не примечательный, обычный, бестолковый, человеческий, и Александр Непокоев ответил. Мазнул теплым по холодному. Пальцем по стеклу.

— Ал-ло...

— Александр Людвигович? — тотчас же отреагировал телефончик. Да. Поинтересовался скорее с твердой уверенностью, чем с неясной надеждой.

— Это я, слушаю вас внимательно, — отозвался Александр Непокоев своим слегка собачьим, но с неожиданно приятными низами тенорком. Отчего могла возникать даже какая-то вальяжность, музыкальность в те благодные минуты, когда его обладатель с легким интонационным ударением, ясно и четко озвучивал без торопливости и спешки каждую гласную.

— Ал-ло...

— Да, да. Это компания «Лав» вас беспокоит. «Лав Интернешнл».

«Эх. Зря повелся. Все-таки промоушен. Реклама, да еще чего-нибудь совсем уже беспонтового, — с неудовольствием поморщился Непокоев, — какой-нибудь подпольный досуговый сервис или онлайн-сеть магазинов с гаджетами для взрослых при штаб-квартире в Южном Бутове. Мошенники. Но почему с этим ко мне? Лично и персонально? Где наследил? Когда?»

— Как, как? Лав? Да еще интернешнл? — регистр молниеносно меняя на чисто песий, саркастический, рваный, кусающий, совсем не музыкальный, стал с места разгоняться Александр Людвигович, стал набирать обороты, чтобы какой-нибудь разящей наповал ремаркой, которая должна была вот-вот родиться на языке, убить. Убить — и номер в бан. Вечная блокировка.

— Да, да, — между тем все с той же механической невозмутимостью, не ускоряясь и не замедляясь, все так же уверенно и веско продолжали что-то разматывать в трубке, — «Лав Интернешнл Инк» — крупнейший мировой производитель оборудования для добычи нефти и газа. Московский офис. Вам сейчас удобно говорить, Александр Людвигович?

«О боже! — в этот момент буквально поперхнулся продюсер и куратор, директор креативный и эксперт литературный. Ему обдало холку холодом, кипятком обожгло изящный круп, он чуточку пригнулся и несколько осел, как человек, лишь чудом, лишь случайно не обронивший в унитаз общественной уборной билетик лотереи, сорвавший сумасшедший, невиданный джекпот. — Крупнейший... мировой... нефти и газа... Какой пассаж! Какой пассаж!»

— Но лав при чем тут, лав? Эл, оу, ви, и? Все верно? Так? — еще слегка подлаивая, подвизгивая, еще с обидой и досадой, еще не окончательно поверив в счастье и удачу, и оттого никак не обретая нужной, моменту приличествующей и отвечающей певучести и медоточивости речи, мягких низов, спросил Непокоев.

— Все так. Все верно. L... O... V... E... — любезно подтвердили с той стороны эфира. — Это фамилия основателя нашей компании. Рональда Реджинальда Лава. Не будет ли у вас времени, ну, скажем, в эту среду, да, в среду, для встречи с нашим американским вице-президентом мистером Биттерли и управляющим русским бизнесом господином Пешковым?

И впрямь пассаж. Какие новые горизонты! Восьмидесятый, может быть, а то и сто восьмидесятый уровень! Ведь кого только за долгие годы счастливой и плодотворной жизни не доил Александр Людвигович. Большие издательские дома и крупнейшие благотворительные фонды, известнейшие университеты и знаменитейшие ресторанные сети, отдельных ценителей прекрасного из русского списка «Форбс» и мелочь краудфандинговую, даже родное государство, строгую мать, и ту ему случалось обирать под соусом общественно-образовательного интереса, но нефть... черное золото само впервые ему в руки шло. Это почище будет всех, вместе взятых, православных ТВ-каналов художественного воспитания, в которые его, Непокоева, на днях пытались втянуть друзья и коллеги на ниве культурного кураторства и просветительской активности — Ваган Айрапетян и Марек Шнеерзон. Да, нефть!

Жаль, Ася вот только не понимает, как важно Александру именно сегодня быть свежим и благоухающим всеми лилиями света, а не ее, Асиной, сардинно-шпротной розой. Увы, увы, не понаслышке, на своем уже довольно продолжи-

тельном опыте, знал Александр Людвигович, как будет сложно отогнать острый, прилипчивый душок, консервную ноту с кардинальских усиков-стрелочек и мушкетерского волосяного клинышка — его собственной миниатюрной писи под нижней губой. Шампуни лучших марок, что устраняют все, что только пожелаешь, — и ломкость, и сухость, и перхоть любой застарелости и жирности, — и те порою пасовали перед стойкостью и въедливостью Асиного укуса. Эликсира неутолимой страсти. Густого и обильного. Но что поделать, Ася Акулова, автор романов и стихов, изящнейшее существо с локонами Мальвины и талией не шире, не объемней бритого зада пуделя Артемона была ровно на двадцать три года младше Александра Людвиговича, и слабины он дать никак не мог. А уж его язык, главная, важнейшая и самая развитая часть его тела, тем более.

Ну и не оплошал. Ася, заходясь от электрических волн, от перетоков высоковольтной крови и встречного гальванического сокращения жил, прежде чем обмякнуть, повалиться головой вперед и плоским мокрым животом перекрыть кислород Александру Людвиговичу, таким ароматическим прощальным спазмом одарила, что не только кокетливые щеточки у губ ему предстояло теперь стерилизовать, но и волосы. Долго и тщательно промывать гриву, роскошную шевелюру, обильную и долгую, до плеч, как у героев А. Дюма, бретеров и фехтовальщиков времен короля-солнца Людовика XIV. Удобнейшее, между тем, средство преображения, столь нужное Алек-